

ЗАНИСКИ СТАРАГО БАЗАБА.

(Продолженіе.) (*).

IX.

ДѢЛО НА УРУПѢ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1851 года, горцы праваго фланга, возмущенные шейхомъ Аминъ-Магомедомъ, мюридами, подосланными Шамилемъ, и турецкими агентами, начали собираться въ Терекли-мектепъ (**), резиденцію Амина. Горскіе лазутчики и наши властуны ежедневно давали знать о волненіяхъ въ аулахъ и объ огромныхъ приготовленіяхъ къ открытому вторженію на линію, съ цѣлью разорить станицы и увлечь въ горы семнадцать ауловъ мирныхъ бесленцевъ (***) съ Урупа. Въ этихъ аулахъ, невзирая на завѣренія жителей, волненіе умовъ было также замѣтно. Волненіе было тѣмъ опаснѣе, что, живя среди русскихъ, мирные если и не могли вполне знать всѣхъ мѣръ и средствъ къ огражденію линіи, то могли иное видѣть сами и объ иномъ слышать отъ неосторожныхъ болтуновъ, отъ которыхъ мастерами умѣли вывѣдывать все нужное, угощая ихъ по-пріятельски аракой. Пересыла свѣдѣній и сношеній изъ горъ и въ горы шла съ изумительной быстротой, невзирая на всю бдительность кордона, по причинѣ свободнаго—открытаго пути вверхъ

(*) См. „Воен. Сборн.“ 1870 г. № 7.

(**) Терекли-мектепъ, „мѣсто суда“, сильный и хорошо укрѣпленный аулъ на верховьяхъ рѣки Базой, свертый ущельемъ, вершинамъ котораго слюда на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ. Рѣка, замкнутая ущельемъ, башено реветъ въ пропасти, езда сверкая; это мѣсто казни преступниковъ, которыхъ Аминъ приказывалъ бросать съ моста съ привязанной колодой къ ногамъ.

(***) Изъ довольно сильнаго племени бесленцевъ, семнадцать ауловъ замѣрившихся выдали аманатовъ, т. е. заложниковъ, и были водворены на правомъ берегу рѣки Урупа, близъ станицы того же имени, года за три предъ тѣмъ.

по Урупу и по обоимъ Тегенямъ, въ то время еще незанятымъ станциями и постами.

Положеніе Лабинской линіи, растянутой болѣе чѣмъ на триста верстъ, было крайне затруднительно. Малочисленность расположенныхъ на ней войскъ, при разбросанности ихъ по станциямъ и постами, не позволяла сформировать въ центральныхъ пунктахъ конныхъ летучихъ отрядовъ для взаимной помощи. Притомъ должъ было немало: начало возведенія сильнаго укрѣпленія на рѣкѣ Бѣлой съ гиагинскимъ постомъ, на рѣкѣ того же имени (*), перемѣна начальниковъ фланга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неминуемыя новозведенія, не всегда применимыя къ мѣстнымъ потребностямъ, а также разнаго рода личныя препирательства и столкновенія. Аминъ-Магомедъ, хотя и не могъ знать обо всемъ происходившемъ, но не могъ не знать главныхъ капитальныхъ реформъ, отношеній и столкновеній. Все это вмѣстѣ благоприятствовало намѣреніямъ горцевъ и давало имъ ручательство въ успѣшномъ исполненіи замысла.

Набросавъ бѣглый очеркъ положенія Лабинской линіи, нелишнимъ

(*) Первое наше укрѣпленіе на рѣкѣ Бѣлой начато возводиться въ мартѣ 1831 года, для баталіона пѣхоты и для четырехъ сотенъ кавалеріи, между укрѣпленіемъ и станціей Тавгиской. Здѣсь, черезъ Дабу, была сооружена первая постоянная мостъ и на рѣкѣ Гіагѣ строился постъ. Для возведенія ихъ сдвинуты были войска съ Кубани и сняты съ Лабинской линіи, предоставленной почти однимъ мѣстнымъ орудіемъ обороны, такъ что начальники линіи едва могли сосредоточить одинъ небольшой летучій отрядъ, изуродованный безпрестанными перемѣненіями, смотря по получаемымъ свѣдѣніямъ, часто неподтверждавшимся, о направленіи или намѣреніи движенія скопища, предводимаго Аминъ-Магомедомъ, численность котораго еще не бывала за Кубанью въ такомъ размѣрѣ. Имамъ-эль-авазы (глава духовенства), Шамаль, если и не имѣлъ пріямго вліянія на горцевъ праваго крыла, а тѣмъ не менѣе косвенное значеніе его и мюридизмъ, ведущій начало на Кавказъ съ 1780 года, съ подвѣнія изъ Стамбула изувѣра мурлы шахъ-Мансура, бывшаго пастуха туташинскаго ущелья и Кара-доглычи, близъ вѣрности Андалы, тогда еще гвѣдой турецкой крипоси, обладали влиятельными и вѣдѣли на умы. Тайные же агенты изъ Турціи, разныхъ націй, цыгане, дѣйствуя посулами всякаго рода и обѣщая прогнать русскихъ со всего Кавказа. Эти продѣлки вначалѣ вполнѣ удалсь, пока горцы не убѣдились, что ихъ надувають, и сами раздѣлились съ плутами. Надо помнить, что все это творилось предъ началомъ севастопольской войны. Магомедъ-Аминъ, появившійся за пять или шесть лѣтъ до этого времени, съ перваго шага принялъ кружныя мѣры противу племенныхъ князей и старшинъ, осмѣлъ у дѣлъ и безъ того неважную власть; поворотомъ къ вассальству, удалялъ и свободныхъ горцамъ умекъ умы войскъ, проповѣдуя единеніе, такъ охватъ претиву зловоливости русскихъ въ занятіи ихъ земель. Въ то время Аминъ было не болѣе 35—40 лѣтъ. Прежде онъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ повзвѣряя при дворѣ и поразившись, притомъ властью самодержавнаго двораго слова. Красивый и статный собой, онъ, доворять, былъ мальчишкой проданъ въ Турцію нѣмъ чеченскихъ племенъ.

считаю коснуться событій, предшествовавших блистательному дѣлу на Урупѣ 14-го мая 1851 года.

Начальникъ линіи, Петръ Аполонovichъ Волковъ, получивъ положительныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Аминтъ-Магомеда: начать вторженіе на линію и, прежде нападенія на станицы, забрать бесчисленныя аулы съ Урупа, не столько съ цѣлью усидѣть и безъ того огромное скопище, но для того, чтобы, заставя ихъ принять участіе въ набѣгѣ, тѣмъ самымъ поставить въ невозможность опять обратиться въ мирныхъ (*). Вслѣдствіе этого, окодо половины апрѣля, въ станицѣ Лабинской былъ собранъ летучій отрядъ, на сколько припомню, въ составѣ трехъ ротъ Бубанскаго егерскаго полка, трехъ сотенъ драгунскаго № 45-го Золотарева полка, трехъ сборныхъ сотенъ линейцевъ, при четырехъ легкыхъ и двухъ батарейныхъ пѣшихъ орудіяхъ, при взводѣ конной казачей № 14-й батареи и четырехъ станкахъ конноаркетной команды. Весь отрядъ въ строю имѣлъ до 1,250 чадовъ. Этой горсти, сравнительно со скопищемъ, приходилось нѣтъ дѣла, послѣ изнурительныхъ переходовъ, со свѣжими силами горцевъ, хорошо вооруженныхъ и на бойрыхъ коняхъ и, притомъ, уже достаточно подготовленныхъ Аминтъ-Магомедомъ къ болѣе правильному и регулярному строю. Ежедневно получаемыя свѣдѣнія о скопищѣ, готовомъ вторгнуться въ линію, и неопредѣленность пункта переправы черезъ Лабу ставили начальника линіи въ необходимость передвигать отрядъ то къ станицамъ Чамлыкской, Константиновской, Вознесенской и Урупской, то возвращаться въ Лабинскую. На постъ Подольскій (*), какъ самый возвышенный пунктъ на нашей линіи, былъ посланъ, для наблюденія мѣстности за Лабой, есаулъ С...въ, съ приказаніемъ дать знать отряду, какъ только замѣтитъ скопище; и слѣдить за его направленіемъ и послѣ переправы. Мнѣ, какъ адью-

(*) Мирные, какаго бы племени ни были, были язвою для нашихъ поселеній: пользуясь титуломъ мирнаго, каждый горецъ старался поживиться на счетъ русскаго, и, при первомъ случаѣ, перерѣзавъ горло или всадить пулю считалъ дѣломъ славнымъ. Только въслѣдствіи соображали все это и стали ихъ высылать на водвореніе въ Войско Донское.

(**) Постъ Подольскій, разстояніемъ отъ Лабинской 40, а отъ Вознесенской въ 28-ми верстахъ, вооруженъ полупудовымъ длиннымъ единорогомъ и 12 фунт. пушкой; гарнизонъ изъ № 3 линейнаго баталіона, при овицерѣ 50 солдатъ и 25 донскихъ казаковъ. Постъ командуетъ окрестности; съ него видно на десятки верствъ. У подножія, почти на двѣ версты ниже, остатки древняго укрѣпленія Коль-Аджи, старая крѣпость, турецкая или венеціанская; близъ оной упраздненное наше укрѣпленіе того же имени. Такихъ остатковъ укрѣпленій, какъ Коль-Аджи, нѣмаю въ Псеменскомъ и Длинномъ лѣсѣ; къмъ и противъ него они строились, преданій не сохранилось; но что они древни, свидѣтельствуютъ ядровыя деревья, выросшія на валахъ, и во рвахъ еще хорошо сохранившихся.

танту, приходилось частенько скакать по линіи съ поста на постъ, для промѣра бродовъ по Лабѣ, и совершать такимъ образомъ версты по сотнѣ и болѣе въ сутки, а затѣмъ, совершенно усталому, то передавать приказанія, то собирать для доклада свѣдѣнія отъ лазутчиковъ и пластуновъ.

По распоряженію командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, начальникъ линіи вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ центра, княземъ Эристовымъ, и съ генераломъ Граматинымъ, которые также собрали отряды: князь въ составѣ до 4,000, генераль Граматинъ до 2,000; первый расположился за урупскими высотами къ Тегенямъ, а второй къ карачаевскимъ ущельямъ, для прикрытія прикубанскихъ станицъ и селеній. Медленность сообщеній черезъ кубанскую линію, съ отрядомъ князя Эристова, вызвала необходимость посылать туда прямо нарочныхъ по мѣстности наблюдаемой непріателемъ. Изъ четырехъ, разновременно посланныхъ, урядниковъ съ пакетами, двое были убиты, а бумаги захвачены; обстоятельство это вынудило посылать уже не съ письменными, а съ словесными свѣдѣніями и распоряженіями, важность которыхъ съ часу на часъ увеличивалась. Посылать урядника или даже и офицера не всегда было удобно, особенно въ важныхъ случаяхъ, а потому жребій этотъ выпалъ на мою долю. Сказать правду—матку, не видя на прирожденное мое достояніе—безпечность, какъ-то невольно сжалось сердце, когда я вставлялъ ногу въ стремя. Доѣхавъ съ казаками до крайняго мирнаго аула, я перемѣнилъ въ немъ коня и конвой и затѣмъ, въ глухую полночь, проѣхалъ до отряда князя въ сопровожденіи только трехъ кунаковъ—бесденѣвцевъ, версты двадцать, безъ дороги, по пересѣченной мѣстности, наблюдаемой непріателемъ. Предчувствіе чего-то недобраго на этотъ разъ не оправдалось. Помѣнявшись съ княземъ всѣмъ необходимымъ въ нашемъ положеніи, тѣмъ же порядкомъ черезъ день я возвратился, совершая путешествіе по-совиному—ночью. Такъ мнѣ пришлось три раза съѣздить туда и обратно. Во вторую поѣздку, со мной случилась такая оказія, что иной и ученый фیزیологъ не разъяснитъ ея. Съѣвъ на коня въ аулѣ, я выпилъ стаканъ рому, который, повидимому, не имѣлъ на голову ни малѣйшаго вліянія. Но, пріѣхавъ на разсвѣтѣ въ отрядъ князя и остановясь у начальника его штаба, майора В—ва, я совершенно забылъ зачѣмъ пріѣхалъ и для чего? Для меня какъ будто прошлаго не существовало; сколько ни старался я заставить работать память, она была безответна: я былъ сущій автоматъ, двигался, говорилъ, но былъ въ безсознательномъ

состояніи. Сперва В—въ поспѣялся, считая это состояніе неумѣстной шуткой; но видя, что въ сущности дѣло-то выходитъ не такъ, рѣшилъ, что я просто рехнулся. Оставивъ распросы о цѣли пріѣзда, онъ далъ мнѣ стаканъ чая и предложилъ рому; едва я выпилъ, какъ память и полное сознаніе явились, будто сидѣли на днѣ стакана и, съ послѣднимъ глоткомъ, всочили въ голову. Носпѣялись мы оба этой оказіи и занялись дѣломъ. Вскорѣ всталъ и князь. Все, что было нужно, было переговорено и обусловлено до себя; отказавшись отъ обѣда, я легъ, часу въ двѣнадцатомъ дня, спать и проспалъ часовъ до десяти вечера. Въ это время меня разбудили, сказавъ о времени; я вскочилъ гололемъ, какъ на тревогу, по памяти опять упорхнула не-вѣсть куда. Тогда В—въ, уже не говоря ни слова, прямо предложилъ мнѣ грогу: память съ сознаніемъ тотчасъ же явились въ свою штабъ-квартиру. Дальнѣйшихъ превращеній и изчезновеній памяти, какъ носа въ повѣсти Гоголя, не послѣдовало и комедія разыгралась только двумя актами. Объясненіе этого феномена нашъ медикъ С—вій изложилъ такъ темно и неудобопонятно, что мы остались совершенно неудовлетворенными.

12-го мая, въ отрядѣ, расположенный въ ставкѣ Вознесенской, прискакалъ съ поста Подольскаго есаулъ С—въ съ донесеніемъ, что сборище, занявшее мѣстность на огромномъ протяженіи за Лабой, появилось противъ поста. Ругнулъ его недобрымъ словомъ В—въ за личное появленіе въ то время, когда онъ долженъ былъ слѣдить до конца за самой переправой горцевъ, и велѣлъ мнѣ удостовѣриться на мѣстѣ о донесенномъ и докончить порученное С—ву.

Взявъ съ собою заводнаго коня и выбравъ шестерыхъ старыхъ пластуновъ на добрыхъ коняхъ, къ закату солнца я, со своей свитой, былъ уже на посту. Принявъ команду надъ постомъ и осмотрѣвъ мѣстность, я распорядился залогомъ секретовъ на Лабѣ, поставилъ двѣ конныя заставы, каждая подъ командой пластуна, послалъ нарочныхъ на смежныя посты съ тѣмъ, чтобы съ нихъ было дано знать сигналомъ по всей линіи. При этомъ даны были слѣдующія приказанія: 1) тотъ пунктъ, близъ котораго непріятель начнетъ переправу, долженъ производить каждыя пять минутъ выстрѣлъ боевымъ снарядомъ; затѣмъ, оба ближайшіе поста должны были дѣлать тоже самое черезъ семь минутъ, а послѣдующіе, по мѣрѣ удаленія, черезъ 10 и 15 минутъ; 2) осмотрѣть подъемныя мосты и, въ случаѣ нападенія и неустойки, заклепывать крѣпостныя орудія и взрывать посты, гарнизонамъ же присоединяться куда укажетъ необходимость; 3) усилить секреты и выставить конныя за-

ставы. Изъ этихъ распоряженій, основанныхъ на приказаніяхъ начальника линіи, видно, что онъ хотѣлъ дорого уступить горцамъ свое дѣтище, свое любимое созданіе — Лабинскую линію.

Начальникъ поста, подпоручикъ Бондаренко, и я, вооружившись подозрными трубами, забрались на постовую вышку и до самаго свѣта любовались дикою картиною табора горцевъ, виднаго намъ какъ на ладони, при свѣтѣ огней костровъ. Всюду мелькали тѣни, то ярко освѣщенные, то скрываемаыя пламенемъ и застилаемыя дымою, волновавшимся какъ чадры восточныхъ красавиць отъ налетающаго вѣтерка. Всю эту движущуюся панораму озаряла, полнымъ блескомъ, полная майская луна. Казалось, самый вѣтерокъ, по временамъ заглядывавшій подъ соломенную крышу вышки, какъ шаловливый баричъ подъ шляпку красавицы, доносилъ до насъ букетъ роскошной кавказской флоры — и невольно мысли переносились въ прошлое, былое невозвратное, навѣвая тихую безотчетную грусть.... И настоящее, и будущее — все сливалось въ призрачномъ фантастическомъ туманѣ....

Но вотъ пахнулъ прохладой вѣтерокъ, предвѣстникъ зари, и вершины снѣжнаго хребта облились пурпуровымъ свѣтомъ. Все выше и ярче являлись лучи; наконецъ, величавый дискъ солнца съ вершинъ горъ заглянулъ въ ущелья, и сѣдые туманы ихъ, переливаясь и отражая радужные цвѣта, зароились какъ змѣи, принимая чудовищныя формы.

Съ появленіемъ дня, какъ муравейникъ закопошились горы и, какъ комары передъ погодой, поднялись и начали собираться въ кучки. Болѣе тридцати значковъ развѣвалось въ воздухѣ. Вся масса заколыхалась, двинулась къ каладжинской переправѣ и покрыла долину, какъ саранча.

Выстроивъ по фасамамъ поста людей готовыхъ къ бою, я взомель на главную батарею. Передавъ постъ и послѣднія распоряженія Бондаренкѣ, я оставался на посту до конца переправы. Едва передовые горцы спустились къ водѣ, какъ грянулъ постовой единорогъ и вслѣдъ затѣмъ глухо отозвались постъ Шалоховскій и укрѣпленіе Зассовское.

Во все время переправы горцевъ, длившейся болѣе двухъ часовъ, съ математическою точностію раздавался каждыя пять минутъ выстрѣлъ. Но вотъ сборище, точно чудовищная змѣя, вился по окружающимъ отрогамъ Подольской горы, по лѣвому ея отгосу, миновало уже постъ; главные массы наѣзтниковъ, столпившихся около зеленого значка Аминъ-Магомеда, поравнялись съ батареей; одного ни одинъ изъ джигитовъ не подъѣзжалъ близко, какъ бы пренебрегая не-

значительнымъ постомъ. Признаюсь, не выдержала оказавшаяся моя натура этой оскорбительной невнимательности: прилеживъ главъ къ диоптру, подвинувъ кливъ, я скомадновалъ.... и навѣсно брошенная граната разорвалась надъ головой горцевъ, неожиданныхъ такого салюта. Перекувырнулось нѣсколько всадниковъ и коней, но сборище, не обращая вниманія, продолжало двигаться впередъ, спускаясь въ долину джелгетскихъ высотъ, тянувшихся въ направленіи къ станицѣ Вознесенской и къ Урупу.

Намѣреніе скопища начало выясняться. Опустился и поднялся за нами постовой мостъ. Перекрестились мои пластуны; объѣхавъ постъ справа, мы двинулись на рыскахъ на высоты. Какъ горныя козы, лѣзлись мои пластуны надъ обрывами по извилистой тропинкѣ. Справа, почти за отвѣсными обрывами, долиной двигалось сборище, повидимому не обращающее на насъ вниманія. Вдругъ оно круто повернуло вправо, прямо въ направленіи къ Урупу. Въ одинъ мигъ птицей полетѣлъ пластунъ, рискуя, при каждомъ невѣрномъ шагѣ своего коня, свалиться въ кручу, съ донесеніемъ въ отрядъ о принятомъ горцами направленіи.

Такъ горцы прошли версты три или четыре; затѣмъ опять прижкнули къ высотамъ, принявъ направленіе къ станицѣ Вознесенской. Такимъ образомъ, они мѣнили четыре раза свое направленіе, а между тѣмъ до станицы было менѣе десятка верстъ. Послѣ того оставалось ѣхать по высотамъ, огражденнымъ недоступностію взѣзда, уже не болѣе версты; далѣе уступы какъ-бы разстилались и постепенно слагались. Направленіе сборища ясно указывало на путь мимо станицы; иначе, горцамъ пришлось бы переправляться черезъ рѣку Чамлыкъ, текущую въ крутыхъ и топкихъ берегахъ, и то черезъ бродъ, выше станицы верстахъ въ десяти. Намъ же тропинъ приходилось или вернуться назадъ, или проскользнуть вблизи скопища горцевъ, спустившись на лѣвую сторону, и выиграть время, проскакавъ версты шесть или семь уже по открытой мѣстности къ Вознесенской. Я рѣшился на послѣднее.

Долго и безотвязно гнались за нами нѣсколько горцевъ; но, видно жалѣя коней для предстоящаго или рассчитавъ незначительность поживы, бросили преслѣдовать насъ версты за четыре до станицы. Въ это время грянулъ выстрѣлъ съ батареи, заявившій намъ, что сборище уже видно съ вышки.

Заставъ начальника линіи, только что подыавшагося изъ-за стола и шедшаго на батарею посмотрѣть церемоніальное шествіе скопища горцевъ, и рассказавъ ему въ нѣсколькихъ словахъ о результатѣ

моей командировки, я, какъ голодный волкъ, принялся терзать остатки обѣда, нимало не заботясь ни о скопищѣ, ни о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія ожидали нашу линію. Безпечность и привычка опять вступили въ свои права.

Между тѣмъ, въ зловѣщей тишинѣ вся масса прошла мимо станицы, въ порядкѣ прослѣдовала чамлыкскій мостъ, не зажгла даже мельницъ, и направилась прямо къ бесленѣвскимъ ауламъ.

Нашъ отрядъ выступилъ изъ станицы вслѣдъ за скопичемъ, идя по слѣдамъ его. Такъ отошли мы верстъ шесть или семь, какъ подполковникъ Л—скій спохватился, что рота его баталіона кубанцевъ осталась забытой на станичномъ фасѣ, гдѣ была поставлена въ ожиданіи нападенія непріятеля. Обстоятельство это вынудило послать полторы сотни казаковъ за пѣхотой; между тѣмъ, отрядъ нашъ, дойдя до промежуточнаго поста, остановился въ ожиданіи ихъ, что и дало время Аминь-Магомеду далеко опередить насъ и занять свободно аулы.

Около полуночи къ намъ присоединились съ Кубани четыре сотни ставропольской бригады съ полковникомъ Войцицимъ, а вскорѣ за тѣмъ явились забытые кубанцы, сидя на крупахъ казачьихъ коней. Освѣщаемыя заревомъ зажженныхъ Аминомъ ауловъ, мы подошли къ рѣвѣ Урупу, часу во второмъ ночи, и выстроились въ боевомъ порядкѣ, лицомъ къ непріятелю, отдѣленные отъ него негустымъ лѣсомъ и рѣкой.

Начальникъ отряда, чтобы оповѣстить линію и указать, гдѣ находится непріятель и нашъ отрядъ, приказалъ, согласно уже прежде сдѣланныхъ распоряженій, производить каждыя пять минутъ выстрѣлъ. Съ этой цѣлью я улегся между батарейнымъ взводомъ съ фонаремъ и часами: дрогнула окрестность, волны Урупа покатали перекатомъ тревожный сигналъ... и не одна дрожащая спросонья рука казачки сотворила крестное знаменіе о дорогомъ существѣ, котораго наутро, быть можетъ, увидить убитымъ. Затормошили въ аулахъ и ярче освѣтилась пожаромъ окрестность; глухой гулъ и скрипъ аробъ раздавались въ сторонѣ непріятеля, въ противоположность царившей мертвой тишинѣ нашего отряда. Грануль второй и третій выстрѣлы, сопровождаемые отвѣтами смежныхъ пунктовъ, и пронеслись по линіи зловѣщей вѣстью...

Не замедлили явиться нѣсколько мирныхъ горцевъ изъ ауловъ, кто подсмотрѣть, что творится въ отрядѣ, кто поразсказать о распоряженіяхъ Аминь-Магомеда и сборища, а кто и съ искреннимъ чувствомъ преданности; но, въ нашемъ положеніи, ни разбирать вранья, ни вѣрить искренности не приходилось: нужно было держать ухо во-

стро, и изъ всѣхъ вѣстей выбрать одно нужное и наиболее вѣроятное.

Послѣ шестаго выстрѣла, сонъ началъ одолевать меня до того, что, не надѣясь на себя, я подоввалъ фэйерверкера, передалъ ему часы и фенарь, и заснулъ мертвымъ своимъ....

На разсвѣтѣ холодная струя воды изъ бутылки прямо на лицо, вылитая В—нымъ, пробудила меня, послѣ того какъ не могли растолкать ничѣмъ. Пробужденіе было далеко несладостное....

Отрядъ уже былъ готовъ къ движенію.... На противоположной сторонѣ, по склону урупскихъ высотъ, тянулись арбы забранныхъ ауловъ; густой дымъ влился надъ лѣсомъ, обозначая мѣста пожара. Скопище, облитое первыми лучами солнца, игравшаго на оружіи, то събѣжалось кучами, то, извиваясь лентой, слѣдовало вверхъ по теченію рѣки. Пейзажъ боевой, кочевой, дикой жизни, съ дивной мѣстностію, такъ и просился на полотно художника; но нашему брату некогда было любоваться живой картиной. Отрядъ двинулся въ паралель скопца, повидимому не имѣвшаго ни малѣйшаго намѣренія вступать въ бой. Такъ мы прошли версты три съ ночлега и версты шесть или семь отъ станицы Урупской. Въ этомъ мѣстѣ, лѣсъ, растущій по обѣимъ сторонамъ рѣки Урупа, рѣдѣеть, открывая оба берега; со стороны, которая была занята непріятелемъ, тянутся значительныя высоты сплошной цѣпью до Тегеней; съ нашей же, болѣе низменной, стороны, начинается круча, со старымъ татарскимъ кладбищемъ, усѣяннымъ надгробными камнями и провалившимися могилами. Едва поднялись сотни нашего авангарда, подъ командой подполковника Геннига, на высоту и миновали кладбище, какъ скопище, до сей поры шедшее, казалось, безъ воинственныхъ цѣлей, вдругъ обнаружилось сильное броженіе: около значковъ, слѣдовавшихъ безъ порядка, стали стронуться правильныя колонны, и затѣмъ, быстро переправясь чрезъ Урупъ, горцы бросились массою на едва успѣвшую занять кладбище 3-ю карабинерную роту и взводъ пѣшей легкой батареи. Три сотни Геннига, повернувъ коней, примкнули къ ротѣ и образовали такимъ движеніемъ правый флангъ позиціи съ коннымъ взводомъ № 14-го батареи. Непріятель, стремительно налетѣвшій съ шашками, послѣ сдѣланнаго на скаку залпа, былъ отброшенъ перекрестнымъ картечнымъ огнемъ и дружнымъ залпомъ пѣхоты и казаковъ. Пороховой дымъ, какъ завѣсой закрылъ горцевъ, а въ это время остальные части отряда успѣли соколами взлетѣть на высоту и пристроиться къ казакамъ Геннига. Слѣдуетъ замѣтить, что позиція наша на кладбищѣ хотя и командовала мѣст-

ностию впереди, но замкнута была сзади крутою балкою, идущею отъ Урупа котловиной, и притомъ поросшую колючей березой и шиповникомъ. Слѣва отъ Урупа, до высоты занятой карабинерами, мѣстность пересѣченная, покрытая кустами и рѣдкимъ лѣсомъ. Отрядъ нашъ, быстро занявшій высоту, принужденъ былъ выстроиться въ одну боевую линію, не имѣя другаго резерва, кромѣ нѣсколькихъ артельныхъ и ротныхъ повозокъ, оставшихся въ балкѣ. Какъ видите, положеніе отряда въ тактическомъ отношеніи было далеко не блестящее; но храбрость и стойкость закаленныхъ въ бояхъ войскъ и могучая воля общаго нашего любимца Волкова, являвшагося всюду впереди, гдѣ была наибольшая опасность, одержала верхъ надъ бѣшеннымъ изступленіемъ горцевъ, съ остервененіемъ бросающихся на штыки. Девять разъ горцы отчаянно кидались на лѣвый флангъ, угрожая въ то же время центру и правому флангу, и, невзирая на дружный картечный и ружейный огонь, врубались въ ряды; но суворовскій штыкъ—молодецъ, прикладъ и шашка опрокидывали гололобыхъ, устилавшихъ трупами равнину передъ кладбищемъ. Рѣдѣли и наши ряды; но каждая удача давала новыя силы: никто не уступилъ шагу занятой позиціи. Такъ длился бой, начавшійся съ пяти часовъ утра, до полудня. Озлобленные неудачей и огромной потерей, горцы вздумали перемѣнить тактику и пустить въ ходъ разбойничью хитрость, которая едва имъ не удалась. Быстро отступивъ въ долину, разстлавшуюся передъ нашей позиціей, и выйдя изъ—подъ картечныхъ выстрѣловъ, они приняли направленіе къ Урупу, какъ бы намѣреваясь переправиться обратно къ арбамъ бесленѣвцевъ, оставившимся верстахъ въ трехъ выше насъ, на противоположной сторонѣ рѣки; затѣмъ вдругъ поворотили коней и, какъ ураганъ, промчались и бросились на донскія сотни, составлявшія правое крыло боевой линіи, вмѣстѣ съ батарейнымъ взводомъ и ракетной командой, которая выдвинулась впереди на позицію шаговъ на 200 и бросала ракеты вслѣдъ уходившему неприятелю.

Все это послѣдовало такъ быстро одно за другимъ, что донцы, неожиданныя нападенія, дрогнули и поворотили коней.... Прислуга одного ракетнаго станка была вся порублена горцами, и командиръ ея, бравый сотникъ Кушнаревъ, едва съ остальными ускакалъ; къ счастью, бросившіеся въ разрѣзъ ставропольцы, съ молковникомъ Войцицкимъ, во-время удержали натискъ горцевъ, врубившись въ средину атакующихъ; явившійся же, какъ грозный призракъ, Волковъ, поворотилъ донцевъ и самъ повелъ ихъ въ атаку. Ободренные донцы смѣло ударили въ пики, а дружный картеч-

ный огонь всей артилеріи завершилъ финальный актъ кровавой сцены.

Неожидавшіе такого результата, горцы совершенно растерялись и впустились на уездъ враспынную, преслѣдуемне кавалеріей до самого Уруна, такъ что самъ Ашикъ-Магомеъ едва спасся отъ плѣна, благодаря только быстротѣ и смѣлѣ своего коня. Ошеломленные горцы не только бросали тѣла убитыхъ и раненыхъ товарищей, но оставали сибѣнныхъ, не опуская ихъ не только съѣсть за сѣдло, но и схватиться за стремя или за хвостъ коня. Они прѣмчались, какъ неуганная стая сайгаковъ, мимо бесленѣвскихъ аробъ, оставя ихъ на произволъ.

Преслѣдовать бѣгущаго непріятеля за Урупъ одной кавалеріи было немисливо; ряды наши слишкомъ уменьшились; во всей артилеріи не оставалось и десятка картечныхъ зарядовъ; орудіиные кони частью были подбиты, частью поранены, а численность уходившаго скопища была огромна. Легко могло случиться, что горцы, опомнясь, смаяли и уничтожили бы преслѣдующихъ, и тогда замыслъ ихъ все-таки могъ бы кнѣтъ усѣхъ.

Быстро сообразивъ все это, начальникъ лѣвин, оставивъ пѣхоту и артилерію на мѣстѣ боя, со взводомъ № 14-го батареи и съ казаками, двинулся къ арбамъ, владѣльцы которыхъ, видя бѣгство скопища, растерялись и столпились какъ стадо барановъ, не помышляя ни о сопротивленіи, ни объ уходѣ въ горы; они молча ждали рѣшенія своей участи.

Полковникъ Волковъ приказалъ главному приставу мирныхъ загубавцевъ, подполковнику Алкину, прибывшему съ милиціей уже въ самомъ концѣ дѣла, отобрать вновь аманатовъ изъ лучшихъ фамилій, бесленѣвцевъ водворить на прежнемъ мѣстѣ и зорко слѣдить за ними до суда и расправы. Потянулись арбы, сырцыя и покачиваясь съ боку на бокъ, обратно.

Полнымъ страха марушки (*) и даже дѣти безъ малѣйшаго шума и крика поплелись вслѣдъ за возами, а мы возвратились къ отряду и занялись приведеніемъ въ порядокъ артилеріи и оружія, посчитали убитыхъ и раненыхъ, уложили ихъ на прибывшія изъ станицы Урунской подводы и отправили съ пѣхотой, донцами и пѣшей артилеріей въ станицу Вознесенскую. Между тѣмъ, глухо раздавались орудіиные выстрѣлы на Тегеняхъ, давашіе намъ знать, что отрядъ князя Эрмстова встрѣтилъ и провожаетъ ошеломленное скопище.

(*) Марушка—замужняя женщина; кысъ, кыска—дѣвушка; баранчукъ—ребенокъ.

Переночевавъ на берегу Урупа, близъ мѣста боя, облитого кровью падшихъ товарищей и окруженнаго трупами горцевъ, мы, съ развѣтомъ, двинулись на Тегени, къ отряду Эрстова.

Часу въ десятомъ утра, князь, сопровождаемый своимъ штабомъ, со всеми подобранными его отрядами значками, брошенными горцами, встрѣтилъ насъ и велѣлъ преклонить трофеи нашей побѣды, привѣтствовавъ Волкова словами: «хвала и честь вамъ Петръ Аполлоновичъ, хвала и честь вамъ, побѣдителя на Уруи!» Дружески обнялись старые знакомые... Гордый побѣдой, нашъ летучій отрядъ былъ радушно принятъ войсками начальника центра, который, видя бѣгущее и разстроенное скопище, ограничился однимъ артиллерійскимъ огнемъ встрѣтить и проводить его, вѣрнѣе придерживаясь пословицы «что лежачаго не бьютъ».... Благодаря этому, горцы ушли во свояси только съ тою потерей, какую понесли на Урупѣ.....

Потеря наша была велика: изъ 1,750 человекъ, бывшихъ въ бою, убито и ранено до 600; о лошадяхъ и говорить нечего; неприятельскихъ же тѣлъ, только на мѣстѣ боя и брошенныхъ во время бѣгства, насчитано болѣе полуторы тысячи. Пораженіе скопища Аниинъ-Магомеда могло бы быть совершенное.... ну-да, что о томъ говорить....

По скромной и нехвастливой реляціи, нашъ достойнѣйшій начальникъ линіи, П. А. Волковъ, всемилостивѣе пожалованъ чиномъ генералъ-маіора.

Разсказавъ правдиво, какъ очевидецъ, объ успѣхахъ и о славномъ урупскомъ боѣ, не могу не сохранить въ моихъ запискахъ имена доблестныхъ воиновъ.

Капитанъ Прямо, командиръ 3-й карабинерной роты Кубанскаго егерскаго полка, при первомъ бѣшенемъ натискѣ горцевъ, раненый пулей въ грудь на вылетъ, оставался во фронтѣ до третьей атаки, во время которой схватилъ за поводъ коня налетѣвшаго джигита, молодецкимъ ударомъ шапки сбросилъ его на землю, но, немогая отъ потери крови и послѣдняго напряженія силъ, упалъ безъ чувствъ, крича: «будь проклятъ тотъ, кто отступать на шагъ». И храбрые кубанцы исполнили въ точности его завѣтъ. Послѣ продолжительнаго и тяжелаго леченія, Прямо, награжденный чиномъ маіора, долго еще украшалъ собой ряды бравыхъ кубанцевъ.

3-я карабинерная кубанская рота стойко выдержала небывалыя, стремительныя и правильныя атаки горцевъ, буквально врубавшихся въ ряды не хуже любой регулярной конницы. Послѣ чет-

вертаго бѣшеннаго натиска, всѣ ретные офицеры были тяжело ранены и команду принялъ фельдфебель. Жалѣю, что забылъ фамилію этого молодца: онъ такъ работалъ лопатомъ и кирзакдомъ, что любодорого было снотрѣть—и палъ; какъ герой нѣва болѣе пятнадцати ранъ шашками по головѣ, плечамъ и обѣимъ рукамъ. Рота переходила подъ команду отъ одного къ другому унтеръ-офицеру, и изъ числа вступившихъ въ бой осталась въ строю едва одна треть людей. Карabinieri награждены были двѣнадцатью знаками военного ордена св. Георгія.

Инженеръ-поручикъ Шатиловъ, состоя во все время сбора отряда при начальниѣ линіи, умный и дѣльный офицеръ, заслужилъ общую любовь всѣхъ безъ исключенія. Предъ началомъ дѣла, онъ былъ въ авангардѣ Гевинга. Надо сказать, что Шатиловъ, атлетическаго сложенія, ринулся въ свалку и началъ косить направо и налево, какъ Илья Муромецъ. Когда непріятель былъ отбитъ, онъ, будто колоссальный монументъ, стоялъ передъ отрядомъ, обогранный непріятельскою кровью, съ поднятой шашкой въ рукѣ. Шатиловъ, при концѣ дѣла, когда заколебались пши донцовъ, готовыхъ на утекъ, первый, вслѣдъ за Волковичъ, остановилъ ихъ, гаркнувъ могучимъ голосомъ: «назадъ!». Шатиловъ за это дѣло произведенъ въ штабсъ-капитаны.

Сотникъ Кушаревъ, донскаго № 26-го полка, крошка ростомъ, но не ужомъ и храбростию, не говоря уже о толковомъ дѣйстви ракетами во время боя, передъ послѣдней атакой горцевъ на правый флангъ, выскакала на позицію и едва успѣлъ бросить ракеты, какъ уже малетѣвшіе горцы нарубили всѣхъ номеровъ одного станна; но онъ успѣлъ подхватить станокъ на коня и, не взирая на то, что порцы порубили шашкой крутъ его коня, негнавшись за нимъ, подсакалъ къ донцамъ, поставилъ свою команду — и опять ракеты полетѣли въ ряды непріятеля. За дѣло на Уруиъ Кушаревъ произведенъ въ есаулы.

Сотникъ Безбородовъ, командиръ ставропольской линейной сотни, такимъ молодцомъ врубился во флангъ атакующаго донцевъ непріятеля, что прорѣзалъ своей сотней горцевъ и, пренесаясь сквозь ихъ ряды, быстро поворотилъ сотню и ударилъ съ другаго фланга, чѣмъ увлекъ и остальныхъ сотни, которыя, безъ лицепріятія сказать, дрались на Уруиъ одинъ за десятерикъ. Безбородовъ получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени.

Бомбардиръ Щелковъ, № 14-го конной казачьей батареи, первый номеръ при единорогѣ, посылая зарядъ въ дуло, былъ сбитъ съ

ногъ грудью налетѣвшаго коня горца; но, не выпуская банника изъ рукъ, какъ эластичный мячъ, вскочилъ на ноги и съ размаху ударилъ стаканомъ банника по головѣ джигита, положилъ его на повалъ и прехладнокровно продолжалъ свою работу около орудія. За урупское дѣло Щегловъ произведенъ въ урядники.

Докторъ Савицкій, бригадный нашъ медикъ, первый еще разъ перевязывалъ раны подъ выстрѣлами въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ отъ мѣста схватки, такъ какъ перевязочный пунктъ былъ на половинѣ склона кручи сзади насъ находившейся балки. Работы ему было вдоволь. Пули свистали и жужжали кругомъ, а онъ, нимало не обращая на нихъ вниманія, весь углубился въ богатую практику, такъ что, перевязывая годову раненаго, удивился только тогда, какъ несчастный казакъ опрокинулся навзничь отъ пробившей его пули прямо въ сердце. Савицкій былъ награжденъ орденомъ св. Анны.

Хорунжий Подрѣзовъ. Послѣ третьей горской атаки, я, Подрѣзовъ и три пластуна спустились съ кручи къ Урупу и такъ ловко пріютились, закрытые кустами, близъ выдающейся дорожки, что, до пятой атаки горцевъ, намъ удалось сеадить не одного джигита и поймать до десятка коней, проносившихся мимо насъ безъ съдоковъ. Эта пересада крѣпко—было заняла насъ, да посланный отыскать меня казакъ разлучилъ насъ. Что творилъ Подрѣзовъ и хлопцы тамъ до встрѣчи моей съ нимъ во время преслѣдованія Аминь—Магомеда—не знаю; но у молодецвъ была сложена у повозокъ порядочная кучка разнаго оружія и стояло десятка два осѣдлавныхъ горскихъ коней. Когда бѣгство горцевъ сдѣлалось общимъ и мы все бросились ихъ преслѣдовать, то Аминь, со своимъ значкомъ, улепетывалъ къ Урупу, въ сопровожденіи отчаяннаго вожака Піюка Безрюкова, такъ знакомаго нашей линіи по непрерывнымъ стычкамъ съ его партіями. Я, съ Подрѣзовымъ, столкнувшись и перекнувшись словомъ—другимъ, бросились за ними... Вотъ уже и арканъ развилъ Подрѣзовъ, и лишь нѣсколько скачковъ отдѣляли насъ отъ эмира и Піюка, какъ мой конь грянулъ наземь со всѣхъ ногъ, пораженный пулей, а Подрѣзовъ перекувырнулся черезъ голову коня... Когда я вскакнулъ на ноги и подбѣжалъ къ нему, считая его убитымъ, онъ тоже вскочилъ и съ страшнымъ гикомъ бросился пѣшій впередъ... Но Аминь и Піюкъ были уже на серединѣ Урупа... Послали мы имъ свинцовую погоню, да, видно, счастливая ихъ звѣзда еще высоко стояла, и намъ впоследствии не одинъ разъ приходилось сталкиваться въ бою съ Піюкомъ. Потужили мы о неудачѣ нашей, да дѣлать—то было нечего. Подрѣзовъ произведенъ былъ въ сотники.

Много было, во время этого славнаго дѣла, дивныхъ эпизодовъ; они сгладились временемъ, но не выгладятся до смерти въ памяти горцевъ, бывшихъ въ бою, *14-е мая 1851 года на рѣкѣ Уруль.*

X.

СОТНИКЪ ФИСЕНКО.

Если отдается дань уваженія геройскимъ подвигамъ, совершеннымъ линейцами въ долгой періодъ войны съ горцами, то не менѣе мы должны почтить и память падшихъ со славою товарищей въ неравномъ бою, и хотя неодолившимъ побѣды, но неопосрамившихъ русскаго оружія и славы казачества.

Еще до занятія Зеленчугской линіи, начинавшейся отъ Кубани близъ станицы Батадпашинской (5-й хоперской бригады), къ верховьямъ большаго Зеленчуга, за Кубанью, были два поста: большаго и малаго Зеленчугскіе. Если и самая линія во время ея цвѣтущаго существованія, до укрѣпленія Надеждинскаго, была слѣшкомъ слабымъ оплотомъ отъ вторженія за Кубань горцевъ, то два незначительные поста и вовсе не ограждали верховья Кубанской линіи, а средина и конецъ ея не прикрывались еще тогда Лабинскою линіею, имѣвшей, въ 1837 году, въ проѣздъ военнаго министра графа Чернышева, лишь нѣсколько постовъ (*). Такъ слабо прикрытая Кубань, имѣла незначительные посты и редуты, а между ними и за ними были расположены станицы и селенія. Пользуясь этимъ, горцы дѣлали набѣги не только мелкими партіями, но и въ большихъ сборищахъ. То было время безнаказанности за грабежи и разбои, но, вмѣстѣ, и ихъ лебединою пѣснью.

Быстрое и толковое занятіе Лабинской линіи, о которомъ я уже разсказалъ въ началѣ моихъ записокъ, и обращеніе казенныхъ крестьянъ въ казачье сословіе положила предѣлъ хищничеству и послужила твердымъ краеугольнымъ камнемъ къ покоренію праваго фланга.

Этотъ небольшой прологъ пролетѣть свѣтъ на геройскій, но несчастный подвигъ, совершенный, болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ, полковымъ сотникомъ Фисенко съ храбрыми хоперцами.

Партія хищниковъ, въ числѣ отъ 30—40 всадниковъ, передъ закатомъ солнца, появилась и маячила за Кубанью. Начальникъ про-

(*) Орловъ—постъ, въ 16 верстахъ отъ вѣрности Прочный Окопъ, на рѣкѣ Уруль; въ 48-ми верстахъ—постъ Вознесенскій и въ 50 верстахъ—постъ Чамлыкскій, оба на рѣкѣ Чамлыкѣ, и самый крайній, на рѣкѣ Окартѣ, въ 20 верстахъ отъ Вознесенскаго.

межточнаго поста (*), сотникъ Фисенко, завидя съ вышки непріятеля, оставилъ на посту только необходимое число казаковъ—часовыхъ, а самъ, съ полусотней, переправился за рѣку и быстро бросился преслѣдовать горцевъ, не давъ знать смежнымъ пунктамъ. Эта отвага и погубила его.

Горцы, зная отчаянную храбрость и запальчивость Фисенки, съ которымъ неразъ приходилось имъ имѣть схватки, придумали вѣрное средство избавиться отъ него навсегда. Партія, то быстро уходя отъ него, то приостанавливаясь и какъ будто не рѣшаясь на бой, снова уходила: такими маневрами она завлекала все далѣе и далѣе отъ Кубани разгорячившихся преслѣдованіемъ казаковъ. Казаки, уже не рассчитывавшіе на помощь съ линіи, были увѣрены въ своей силѣ и вѣрной побѣдѣ; но лишь только они поравнялись съ зеленчукскими высотами, ничего не замѣчая на пересѣченной мѣстности, покрытой кустами, высокой травой и камышемъ, какъ были отхвачены отъ Кубани огромнымъ скопищемъ горцевъ, притаившихся въ засадѣ.

Окруженные со всѣхъ сторонъ, выросшими будто изъ земли горцами, хоперцы твердо рѣшились предпочесть честную смерть въ бою позорному плѣну. Спѣшась, они побатовали коней и изъ-за нихъ отстрѣливались, посылая смерть за смерть товарищей; но ряды ихъ, съ каждымъ залпомъ перекрестнаго огня горцевъ, рѣдѣли. Вотъ уже ихъ менѣе половины; кони побиты или поранены, а надежды на спасеніе никакой... Бравый Фисенко не потерялся: сдѣлавъ послѣдній залпъ изъ винтовокъ, съ шашкой въ одной и съ пистолетомъ или съ кинжаломъ въ другой, все бросились на проломъ—и пошла рѣзня... Масса задавила и осилила послѣдній отчаянный натискъ этихъ достойныхъ памяти молодцовъ; но ни одинъ изъ нихъ, даже израненный, не былъ трофеемъ горцевъ, дорого заплатившихъ за свое торжество. Двое только казаковъ, пораненные пулями, и одинъ изъ нихъ съ порубленной шеей, чудно сохранившіеся среди труповъ товарищей, по уходѣ горцевъ, придя на зарѣ въ память, дотащились до зеленчукскаго поста и рассказали о гибели товарищей. Сотникъ Фисенко и въ предсмертныи часъ не измѣнилъ девизу своего хорасанскаго кинжала, гласившаго: «безъ нужды не вынимай, со стыдомъ не вкладывай» (**). Онъ палъ геройски. Самые горцы, далеко неохотники

(*) Промежуточный постъ былъ въ 12 верстахъ, близъ Кубани, отъ станицы Баталпашинской.

(**) Кинжалъ покойнаго, достойный сынъ его, есаулъ Фисенко, добывшій его отъ горцевъ, мнѣ показывалъ, какъ семейную святыню. Это былъ превосходный хорасанскій клинокъ и на немъ, славянскими буквами, вычеканено золотомъ съ одной стороны имя и фамилія покойнаго, съ другой надпись: „безъ нужды не вынимай, со

прославлять подвиги враговъ своихъ, еще въ мое время съ уваженіемъ воспоминали имя лихаго сотника и его хоперцовъ.

XI.

СОБАЧАТА.

Лица, которыхъ я хочу вывести на сцену, это малолѣтныя казачата, дѣти офицеровъ и болѣе зажиточныхъ или заслуженныхъ урядниковъ. Съ разрѣшенія начальника линіи, по просьбѣ отцовъ, мальчуганы, отъ 13—17 лѣтъ, временно образовывали особую команду, состоящую въ вѣдѣніи адъютанта. Ихъ брали въ набѣги и походы; ходили они и въ секреты со старыми казаками, и нерѣдко были награждаемы за свои подвиги медалями и даже получали вѣнецъ награды—георгіевскій крестъ. Такъ у насъ исподоволь приготавливались добрые казаки, надежда семействъ и будущая гроза горцевъ. Старые казаки прозвали ихъ, и вообще называли, «бисова собачата»—эпитетъ, какъ видите, неказистый, но нелишенный знаменательнаго смысла.

Помню, лежишь въ секретѣ въ какой-нибудь страшной трущобѣ въ камышахъ; погода подлѣйшая; кругомъ зги не видно, хотя мѣста для секретовъ преимущественно выбирались въ низменной мѣстности, чтобы, на окружающемъ горизонтѣ, можно было яснѣе рассмотреть. Утомленіе дневнымъ трудомъ, а главное свычка съ опасностію дѣлали стараго казака до того безпечнымъ съ нашимъ завѣтнымъ «авось и сойдетъ», что, невзирая на важность секрета, казакъ иногда зычно похрапывалъ; но «собачата» являли себя каждый разъ на секретѣ сущими «собачатами-ищейками». Новизна ли положенія, невольный ли страхъ на таинственномъ секретѣ, только всегда эта молодежь была неутомима на сторожкѣ. Не только всплескъ рѣчной волны, даже цорохъ, произведенный съ просонья птичкой, не ускользали отъ ихъ слуха. «Собачата» не уснуть во всю ночь; тревожно и зорко слѣдя за всѣмъ, что окружаетъ, они нерѣдко выручали своею осторожностію безпечность стараго казака.

Я уже говорилъ, что, въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, дерзость горцевъ доходила до крайности; мелкія партіи непрерывно прорывались на нашу линію и даже за Кубань, несмотря на то, что рѣдкой изъ нихъ удавалось возвратиться домой безнаказанно. Въ числѣ вызванныхъ необходимою мѣрѣю противу назойливости горцевъ было усиленіе и увеличеніе секретовъ.

Сильный секретъ, подъ моимъ начальствомъ, былъ заложенъ нестыдомъ не владывай. Правило далеко небезсмысленное и свойственное честной и нехвастливой натурѣ добраго казака.

вдалекѣ отъ станицы Лабинской, на лучшемъ броду. Въ составъ секретна первый разъ были взяты четыре станка (ползуна), съ 12-ю боевыми ракетами. На секретъ были назначены и трое «собачатъ», офицерскія дѣти: Потаповъ, Братковъ и Красновскій; старшему изъ нихъ не было и пятнадцати лѣтъ. Погода была отвратительная: то моросилъ мелкій осенній дождь, какъ черезъ сито; то порывистый вѣтеръ гналъ цѣлые валуны черныхъ и грозныхъ тучъ, насыщенныхъ электричествомъ; молнія сверкала непрерывно, ослѣпляя глаза; удары грома, казалось, разражались надъ самой головой, будто залпъ батарейныхъ орудій, и, постепенно замирая, глухо повторялись эхомъ ущелій, какъ ропотъ съ просонья ворчливой старухи. Для неопытнаго новичка казалось невозможнымъ избрать такую погоду для набѣга; но въ томъ-то и сила, что и мы, и горцы, большею частью, пользовались подобными ночами, что добрый хозяинъ и собаки не выгонитъ на дворъ. Мятель, гроза, проливень-дождь или туманъ, съдой и густой, какъ молочный кисель — добрые вожакъ для того, чтобы пробраться къ непріятелю незамѣченными: тутъ-то и надо держать ухо на-сторожѣ, когда глазъ не видитъ ни зги.

Время было около полуночи. Завернувшись въ бурки и башлыки, мы лежали невдалекѣ другъ отъ друга группами. Около меня станки и «собачата». Малѣйшій звукъ не ускользалъ отъ ихъ слуха, и они, на-перерывъ, то и дѣло обращались ко мнѣ съ шопотомъ предостереженія и подергиваніями за бурку или башлыкъ; имъ во всемъ и вездѣ мерещились горцы, ползушіе на насъ, такъ что неразъ добрый тумакъ былъ наградой за неумѣстную болтовню. Вдругъ вспыхнула въ нѣсколькихъ мѣстахъ молнія и разрѣзала тучи, какъ взрывы сильныхъ камуфлетовъ, и освѣтила рѣку, ясно обрисовавъ большую толпу всадниковъ, кучами переправлявшихся прямо на насъ. Мои «собачата» чуть не вскрикнули; пинкомъ ногой образумилъ ихъ. Получивъ шопотомъ отданное приказаніе, «собачата» то-ропливо, но осторожно отправились передать его секретнымъ. Вынувъ винтовки изъ чехловъ, поползли казаки къ обрыву на вѣздѣ брода.... Малчуганы вернулись ко мнѣ чуть переводя духъ, боясь произвести шорохъ. За оглушительнымъ ударомъ грома въ могильной тишинѣ, ясно слышался всплескъ воды, перерѣзываемый грудью добрыхъ коней, по временамъ храпѣвшихъ отъ напряженія.... Вотъ уже передовые кони, бултыхая, ступаютъ легко по прибрежной отмели.... Раздался мой сигнальный выстрѣлъ, направленный на всплескъ (*);

(*) Стрѣлять на всплескъ воды или трескъ камыша, т. е. на слухъ, дѣло практикы; наши пластуны въ этомъ искусствѣ были артисты.

за нимъ сверкнули почти мгновенно выстрѣлы секретныхъ и, будто огненные драконы, дымомъ и пламенемъ освѣщая свой слѣдъ, понеслись четыре ракеты. Дрогнувшее эхо, стелаясь по рѣкѣ, далеко отозвалось, какъ похоронная пѣснь. Затѣмъ раздался не одинъ вопль проклятія и молебны къ пророку, и не одинъ звукъ достигъ до насъ отъ паденія тяжелаго тѣла въ воду, какъ бы всплескъ отъ брошеннаго могучей рукой камня. Сверкнули и торопавыя выстрѣлы съ рѣки по секретнымъ, уже успѣвшимъ далеко откатиться въ сторону съ мѣстъ, обнаруженныхъ ихъ выстрѣлами. Смешный небольшой секретъ у маяка (*) зажегъ его; замелькали тревожные огни вверхъ и внизъ по линіи.

Дрогнула окрестность отъ выстрѣла съ угловой станичной батареи и освѣтилась брандсугелемъ мѣстность за Лабой противу переправы, и одно за другимъ, описывая огненную параболу, полетѣли свѣтящіяся ядра. Двѣ сотни казаковъ уже неслись изъ станицы, размахивая факелами, и тотчасъ же бросились на оторопѣвшихъ на переправѣ горцевъ: они толпились и мѣшали другъ другу выбираться на берегъ. Намъ живо изъ станицы подвели копей, и секретъ, переправясь выше партіи черезъ Лабу, бросился въ карьеръ для занятія Ангесскаго ущелья—единственный путь, дававшій возможность обороняться. Еще разъ удалось намъ встрѣтить хищниковъ дружнымъ залпомъ и ракетами, тѣмъ отбросили ихъ на сотни....

Пасмурный разсвѣтъ, съ моросившимъ и проникавшимъ до костей дождемъ, постепенно выяснялъ окрестность, окутанную матовымъ туманомъ, и озарилъ картину бѣгства и преслѣдованія джигитовъ.

Не одинъ десятокъ тѣлъ не досчитали горцы вернувшись домой, и много пришлось работы ихъ хекимамъ (**), перевязывая раненыхъ, судя по тому, что въ станицу было пригнано болѣе сотни осѣдланыхъ коней и понатасано порядочно тѣлъ. Наша потеря была человекъ въ пятнадцать убитыхъ и раненыхъ, да десятокъ другой коней. Надолго острастка эта отняла у горцевъ охоту пользоваться темной ненастной ночью, и уже рѣдко стали они переправляться кучами на извѣстныхъ бродахъ.

Мои «собачата» вели себя на славу, не отставая ни на пядь отъ

(*) По протяженію линій, у насъ ставились шести въ такомъ разстояніи, чтобы ясно можно было ихъ видѣть ночью. На маячный шести привязывался безъ дна боченокъ съ соломой и паклей, облитыхъ смолкой или нефтью, и съ кусками свры, отъ которой внизъ по шести висѣла стопица. Около шестовъ рѣдко клался секретъ, но всегда не въ дальнемъ разстояніи, такъ чтобы, пробравшись къ нему, можно было зажечь маякъ.

(**) Хекимъ—горскій медикъ-самоучка, но за частую великій практикъ.

старыхъ казаковъ. Первой наградой для «собачать» былъ единодуш- ный привѣтъ старыхъ рубакъ крѣпкимъ, но ласковымъ словомъ. Въ тотъ же день приказъ по линіи и бригадѣ отличилъ ихъ имена и за- явилъ какъ бравыхъ казаковъ, уже не ребятъ. Вскорѣ они были за- числены на дѣйствительную службу въ сотни: верхушки ихъ шапокъ, перекрестились урядничьимъ галуномъ, а груди украсились серебря- ными медалями «за храбрость» на георгиевской лентѣ.

Нужно было видѣть восторгъ этихъ мальчугановъ, чтобы сказать: да, я видѣлъ счастливецъ! И не одни малолѣтки, а и старые съ- дые бородачи превращались въ дѣтей, надѣвая георгиевскій крестъ: въ то время у нихъ не было никакихъ другихъ желаній — они были счастливы всѣмъ своимъ существомъ.

ХІІ.

А Ч Х О Й.

Главный чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лабинцева, 19-го іюня 1846 года выступилъ съ Сунженской линіи и, переправясь за рѣку Ассу, стройной колоной двигался по Ачхоев- ской равнинѣ, обрамленной густымъ чинаровымъ и дубовымъ лѣсомъ; за лѣсомъ, на сѣверо-западъ, тянулась снѣжная цѣпь главнаго кав- казскаго хребта, и Казбекъ, какъ исполинская сахарная голова, от- четливо рисовался на безоблачномъ небѣ. Дивна всюду природа Кав- каза; но немного и тамъ такихъ роскошныхъ равнинъ, какъ Ачхой, недаромъ прозванной житницей Чечни по своему хлѣбородію. Эту-то житницу шель отнять у чеченцевъ генералъ Лабинцевъ, имѣя въ виду построить на ней сильное укрѣпленіе Ачхой, какъ оплотъ владыче- ства русскихъ, и тѣмъ самымъ продолжить, вдоль Черныхъ горъ, ли- нію укрѣпленій отъ крѣпости Грозной, построенной грозой чеченцевъ, генераломъ Ермоловымъ.

Въ составѣ отряда былъ и мой взводъ конно-казацкѣй № 14-го батареи, шедшій въ авангардѣ.

Кругомъ царившая тишина и весело свѣтившее яркое солнце, игравшее на оружіи войскъ, какъ бы привѣтствовали новыхъ могу- чихъ владыкъ равнины.

Быстро промчался впередъ авангарда, окруженный своей свитой и конвоемъ, величавый и статный начальникъ отряда. По его при- казанію, отрядъ остановился. При полной тишинѣ раздались слова Еван- гелія, произнесенныя отряднымъ священникомъ, предъ нароемъ совер- шавшаго напутственное молебствіе. Набожно снявъ шапки и держа оружіе на молитву, крестили грудь старые усачи, неразъ смотрѣвшіе

впрямъ въ глаза смерти, и только шороха брававишее оружіе нарушало торжественную тишину ихъ молитвы.

Въ лѣсной опушкѣ мелькнули горцы, и, какъ враждебный салютъ, раздался выстрѣлъ артилеріи имама, владыки Чечни. Въ отвѣтъ ему, среди молитвы, гранулы орудія авангарда, выскакавшія на позицію; ядра и картечь, посвистывая какъ добрый молодецъ, начали ломать деревья. Все жарче и сильнѣе становился артилерійскій огонь... Уже явились изъ главной колонны и батарейныя орудія, и пѣхота двинулась впередъ для занятія лѣса. Но набы Шамиля, поджавъ хвосты, отступили въ глушь вѣкового лѣса. Отрядъ, не понеся почти никакой потери, двинулся къ рѣкѣ Фортангѣ, и расположился на мѣстѣ, предназначеномъ для возведенія укрѣпленія.

Наутро приступили къ планировкѣ мѣстности. Черезъ нѣсколько дней явился широкій ровъ и заложено было укрѣпленіе. Пѣхота, точно муравейникъ, копошилась на работахъ. Горцы молчали, и мы уже начали скучать бездѣйствіемъ. Но 20-го іюля набы Шамиля надумались, и передъ вечеромъ отарыли изъ Гойтунскаго лѣса канонаду, бросая снаряды въ широко-раскинутый лагерь. Все живо встрепенулось въ отрядѣ. Генераль приказалъ унять разворчавшихся наибовъ Чечни. Понеслись орудія за орудіемъ, окруженныя пѣхотой и кавалеріей, и тотчасъ же открыли гибельный огонь. Не прошло и часу, какъ замолкли горскія орудія, скрывшись за лѣсъ. И опять никто и ничто не тревожило отряда до 30-го іюля.

Едва возвратилась пѣхота съ рубки лѣса, какъ появились на опушкѣ толпы конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ, прикрывавшихъ четыре орудія большаго калибра.... И закинула канонада по лагерю. Въ это время я былъ въ палаткѣ начальника центра, князя Голицына, который, сидя передъ походнымъ столикомъ, отдавалъ приказанія; но они были прерваны навѣсно влетѣвшей гранатой, ударившей въ уголъ столика и начавшей на полу вертѣться юлой. Раздумывать было некогда: набросивъ на гранату панахъ, я схватилъ ее обѣими руками и, выбѣжавъ какъ шальной изъ палатки, такъ удачно съ размаха бросилъ ее о лежавшую вблизи груды камней, что деревянная трубка вылетѣла и тѣмъ избавила насъ отъ неминуемой гибели....

Недолго пришлось потѣшаться горцамъ; они убрались съ двумя подбитыми орудіями и потащали не одного товарища, раненаго или убитаго.

Во время канонады подъѣхалъ къ моему взводу командиръ Навагинскаго полка, причудливый и храбрѣйшій генераль Полтавинъ, и, обратясь къ № 1-му, старому и bravому бомбардиру Гридину, ска-

залъ ему: «А что, молодець, ссади мнѣ ядромъ вотъ того чеченца, что въ красноѣ балахонѣ, на бѣломъ конѣ; я дамъ тебѣ монетъ». Припалъ къ орудію Гридинъ, навелъ его, сложа рядомъ большіе пальцы рукъ, вмѣсто діоптра — и ядро перерѣзало копа со всадникомъ. Вытянулся молодець, махнулъ рукой по направленію выстрѣла и протянулъ ее за наградой. Генералъ не только далъ обѣщанное, но и велѣлъ придти къ нему выпить стаканъ водки. Въ это время, ядро, почти уже обезсиленное, ударило въ хоботовую подушку и покатилося далѣе. Молодой казачекъ-фельдшеръ, первый разъ видѣвшій такую штуку, вздумалъ остановить ядро плетникомъ, но оно, подскока, ударило его по рукѣ и бѣднягу потащили самого на перевязку. По возвращеніи съ позиціи, потребовалъ меня начальникъ отряда и, вмѣстѣ съ княземъ, поблагодарили за находчивость. Правду же сказать, не за что было благодарить: вѣдь у меня и мысли не было снасать князя, а все это сдѣлалось какъ-то случайно, по инстинкту самосохраненія.

Около половины августа, въ составъ отряда прібыла съ Дону конная батарея подполковника Я—на, уже съ орудіями на желѣзныхъ осяхъ и блестящихъ какъ золотыя, однимъ словомъ, точно на парадъ; но эта-то щепетильность, невзирая на дивную выправку людей и статность коней, не понравилась генералу Лабинцеву, любившему простоту и пользу, а не франтовство. Поразговорившись съ батарейнымъ командиромъ, онъ высказалъ въ такомъ духѣ свое мнѣніе и, въ подтвержденіе своихъ словъ, предложилъ сдѣлать сравнительный опытъ быстроты дѣйствія. Задѣтый за-живое, Я—нъ предложилъ пари, что, поставивъ на разстояніи версты десять шестовъ, любой его взводъ, несясь въ карьеръ, снимется съ передка, сдѣлаетъ выстрѣлъ и пронесется до крайняго шеста. Пари было принято; генералъ потребовалъ къ себѣ стараго своего знакома, сотника Разсвѣтаева, который, съ ѣздоваго до взводнаго командира, прослужилъ лѣтъ двадцать въ одномъ и томъ же взводѣ и славился какъ практичный стрѣлокъ.

Объясняя ему въ чемъ дѣло, генералъ получилъ лаконическій отвѣтъ: «не посрамимся, ваше превосходительство». Возвратившись въ паркъ, Разсвѣтаевъ приказалъ взводному уряднику дать по доброй порціи людямъ и запрячь артилерію. Выстроились взводы у шестовъ, которые были поставлены въ двѣ линіи, и, по командѣ, понеслись съ мѣста въ карьеръ. Къ первому шесту прежде прискакалъ донской взводъ и, сдѣлавъ выстрѣлъ, понесся далѣе; но-разсвѣтаевцы не зазѣвались и, поразмявъ коней, не только первыми прилетѣли къ по-

слѣдному шесту, а успѣли вернуться и у предпоследняго шеста вѣстѣ сдѣлали выстрѣлы съ донцами, еще недосказавшими до призоваго шеста. Пары было выиграно и подполковникъ Я—нъ, убѣжденный опытомъ, воскликнулъ: «Да, ваше превосходительство, это не люди, а черти!... Еще не осадивъ коня, прислуга кубаремъ слетала и подхватывала орудія съ передковъ». Какъ бы то ни было, а быстрота и ловкость остались за линейцами.

Потинулись опять своей чередой мирные дни; опять стоянка въ прикрытій рубки лѣса, да на фуражировкѣ снѣжнялась нарядомъ на ночь, для встрѣчи выбѣгавшимъ цѣлыми семьями чеченцамъ, селившимся подъ выстрѣлами укрѣпленія. Все это время не было порядочныхъ схватокъ и ограничивалось пустой перестрѣлкой на рубкѣ лѣса. Спокойствіе было томительное; вмѣсто осторожности явилась безпечность.

Однажды, возвратясь въ свой балаганъ съ ужина отъ начальника отрядной артилеріи, нашего бригаднаго и батарейнаго командира, полковника фонъ-Штемпеля, я и, прикомандированный отъ № 24-го конной батареи поручикъ К—въ, мой смоленскій землякъ, вздумали заняться туалетомъ и велѣли вычистить сапоги, несходившіе съ ногъ болѣе мѣсяца. Усердный деньщикъ К—ва, незабвенный Балацко, вычистивъ га славу, перемѣшалъ сапоги, а у К—ва ножка была благодатная. Ночью тревога.... Чеченцы подкрадись и сняли нѣсколько оплошныхъ на секретѣ. Пошла кутерьма — артилерія запрягай.... Вскочили мы оба съ-просонья, надѣлъ я чужіе самоходы и ускакалъ, а бѣдный К—въ какъ ни бился, а лыѣхалъ передъ свой взводъ въ однихъ носкахъ....

Въ концѣ августа, отрядъ посѣтилъ намѣстникъ, князь Воронцовъ. Горцы, какъ бы въ честь его пріѣзда, вздумали заявить о себѣ.

3-го сентября колона фуражировъ, подъ командой подполковника Голубинскаго-Лебединскаго, выступила съ разсвѣтомъ на долину рѣки Натхой, окруженную Гойтинскимъ и Ичкеринскимъ лѣсомъ. Мой взводъ былъ въ авангардѣ. Придя на мѣсто, я велѣлъ отпрячь коней, покрыть оглобли ящика буркой и спокойно залѣзъ въ холодокъ, покуривая люльку. Около полудня, подѣхалъ ко мнѣ подполковникъ Голубинскій, привѣтствуя словами: «здорово ученая артилерія» — слово, подхваченное зубоскалами отъ нашего добряка хорунжаго Даркина. Едва онъ успѣлъ усѣсться въ холодокъ и прицѣпиться за закуску, какъ раздались выстрѣлы и гнѣвъ въ цѣпи милиціонеровъ, которые, бросившись уходить, сбили не только казацки, но и пѣхотную цѣпь, и на хвостахъ внесли чеченцевъ въ самую колону. Повозки и фуражиры,

*

разползшіеся по долинѣ, какъ тараканы по извѣ, захвачены были врасплохъ, и, пока опомнились, немало легло люда подъ ударами шашекъ. Всюду слышался отчаянный призывъ: «подавай сюда орудію!» Значить, дѣло было плохо, когда солдаты кричатъ «орудію!» Молодцовато заявилъ себя батарейный взводъ поручика Буйвида въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ, толпы горцевъ, конныхъ и пѣшихъ, выдвигались изъ лѣса, и артилерія наивовъ Талгика, Дуба и Ахверды-Магомы открыла огонь изъ семи орудій противъ нашихъ четырехъ. Встрепенулись въ лагерѣ и вѣреть шесть или семь, перегоняя другъ друга, летѣла на выручку насъ вся отрядная сила. Пошла потѣха на славу: сбитые со всѣхъ пунктовъ, горцы бѣжали толпами, устилая слѣды трупами. Полковникъ Штемпель велѣлъ мнѣ стать у замаскированного кустами мостика черезъ Натхой.... Запрыгала картечь по сбившимся въ кучу горцамъ; переправъ на рѣкѣ, текущей въ крутыхъ берегахъ, было мало, а до другаго мостка было недалеко, и много полегло, изъ числа забравшихся по сю сторону рѣки, чеченцевъ. Пораженіе было общее; горцы едва увезли свою артилерію въ лѣспую трущобу. Во время преслѣдованія бѣгущаго непріятеля къ рѣкѣ Валеріку, столь поэтически описанной Лермонтовымъ, несясь въ карьеръ со взводомъ, я былъ позванъ Штемпелемъ и, получивъ отъ него приказаніе, поскакалъ къ взводу, исчезнувшему изъ глазъ въ густомъ бурьянѣ. При этомъ я едва не налетѣлъ на взводъ шамилевской артилеріи, улетающей во всѣ повода, считая его за свой; по счастью, замѣтилъ во-время равношерстныхъ коней и не по шестеріку, а восьмериками въ орудіяхъ.... А то пришлось бы мнѣ поплатиться головой или, что еще хуже, попасть на цѣпь въ яму ваиба.

Собрались войска послѣ преслѣдованія; выстроились и прошли гордо и стройно мимо кургана, съ котораго намѣстникъ благодарилъ за дружный и славный бой. Того же дня, къ вечеру, были лично награждены княземъ Воронцовымъ всѣ наиболѣе отличившіеся въ дѣлѣ. Я получилъ дорогіе золотые часы съ цѣпью. Потеря наша была довольно значительна, но ничтожна по сравненію съ понесенной горцами, оставившими три значка и зарядный ящикъ.

Дня черезъ два уѣхалъ намѣстникъ. Мы, до 22-го декабря, имѣли, какъ и прежде, только незначительныя стычки съ чеченцами. Укрѣпленіе было окончено и вполнѣ вооружено. Оставя сильный гарнизонъ, отрядъ возвратился на Сунженскую линію и тамъ распуценъ по домамъ.

Аполлонъ Шпаковский.